

БОРИС АКУНИН: «ТАК ВЕСЕЛЕЕ МНЕ И ИНТЕРЕСНЕЕ ВЗЫСКАТЕЛЬНОМУ ЧИТАТЕЛЮ...»

Грандиозный проект новой русской беллетристики

Недавним парадом, 1999, 23 дек. - с. 9, 10

ГРИГОРИЙ ШАЛВОВИЧ, прежде всего, чтобы к этой теме больше не возвращаться, — что за интрига с псевдонимом? Я понимаю, когда солидные писатели ради денег нажарят чернухи-порнухи и просто стыдятся поставить свое имя на обложке. Но вы-то?

— Чтобы действительно к этому не возвращаться, псевдоним я взял сам, а вот интрига — не моя. И она мне не нравится. Псевдоним нужен был по нескольким причинам. Во-первых, я действительно стеснялся своего хобби. И правильно делал. Потому что, после того как мое авторство раскрылось, первое же редакционное совещание, на которое я чуть опоздал, началось словами: «А вот и Боря пришел!» Потом, два года назад, когда вся эта история началась, моя голова была занята совсем другим. Тема серьезная: я работал над книгой «Писатель и самоубийство» (рецензию на книгу см. «ЕЛ-НГ» от 08.04.99. — Прим. ред.), которая вышла в издательстве «Новое литературное обозрение». Когда читаешь каждый день о писателях, добровольно ушедших из жизни — из-за болезни, политики, несчастной любви, пьянства и так далее, — очень тяжело и грустно. Хочется устроить отдых, заняться чем-нибудь веселым, легкомысленным и приятным — игрой. Чтобы почувствовать себя по-другому, надо дать себе другое название. В средневековой Японии эта традиция была весьма распространена. Когда человек чувствовал, что достигает какого-то жизненного рубежа, он менял имя и с этого момента начинал жить по-другому. И так три, четыре, пять раз на протяжении одной жизни. Когда я называю себя иным именем, я и пишу по-иному.

— Хорошенький отдых — добротный, выписанный текст с привлечением обширного исторического материала. Труд, причем

Полтора года назад на рынок бульварной литературы был вброшен первый «стильный детектив» за авторством некоего Б.Акунина. Поначалу аляповатая обложка вела в заблуждение, и первый роман заметили немногие. Спустя год серьезные литературные критики, захлебываясь от восторга, спорили: кто скрывается за псевдонимом. Валуцкий? Кузьминский? Чхартишвили? Кабаков? Азартные люди делали ставки в Интернете. Недавно открылось: Григорий Чхартишвили, заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература», переводчик, японист. Переводил Мисиму, Питера Устинова... Но не переводчик Чхартишвили, а именно беллетрист Борис Акунин был выдвинут в этом году на престижного и солидного Букера, что само по себе факт исключительный. И вопросы остались.

ударный: за два года пять романов и две повести, и, судя по издательским анонсам, то ли еще будет...

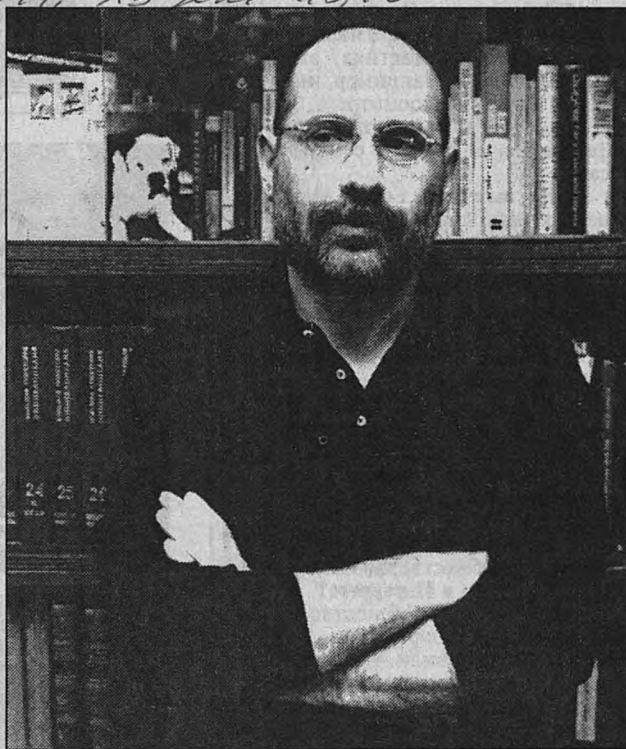
— Это не тяжелый труд, это приятнейшее времяпрепровождение. Все зависит от того, как относиться к своим занятиям: если вы собираете марки и считаете это работой — будете страшно уставать. Но если это для вас удовольствие...

— Конспирологический детектив, шпионский детектив, герметичный детектив, политический, потом — великосветский, декадентский, мистический, не-детективный детектив... Это все действительно в работе?

— Половина написана, остальное придумано. «Борис Акунин»

— это, помимо всего прочего, литературный проект. При том что я всю жизнь занимался иностранной литературой, больше всего люблю русскую. Но мне не хватает в ней беллетристического жанра. У нас ведь или «Преступление и наказание», или «Братва на шухере», середины нет, а вот нормального развлечения для взыскательного читателя, чем в Европе были «Три мушкетера», потом Агата Кристи, Честертон, в России не было никогда. В течение двухсот лет русская литература вынуждена была брать на себя функции то философии, то публицистики, то руководства к действию, то чего-то еще. Авторитет известного писателя был на уровне

митрополита или министра. Сейчас же литературная ситуация в России нормализовалась. Писатель больше не залит ослепительным светом народных чаяний. Его не выбирают депутатом, не дают звезды Героя и квартиры в хорошем доме. Впрочем, я не писатель, а беллетрист. То есть выплескиваю на бумагу не свою душу, а всего лишь чернила и при этом существую не в режиме монолога, а все время помню о читателе, веду с ним диалог. Мне с моим читателем интересно. Мой читатель — не ребенок, которому нужно на ночь рассказывать одну и ту же сказку. Бесконечный однообразный сериал — это скучно и ему, и мне: уходит энергия,

драйв. Я вообще начал писать отчасти оттого, что моя жена и ее высокообразованные подружки любят детективы, а когда едут в метро — держать в руках глянцевые обложки с обнаженными блондинками и окровавленными кинжалами стесняются и заворачивают в газетку. Хотел написать такие детективы, которые можно в газетку не заворачивать.

— Как вам удается каждый раз менять жанр?

— Мне скучно повторяться и интересно преодолевать сопротивление. На русском, кажется, нет такого слова — «challenge» («вызов») или что-то вроде этого. Я нарочно усложняю себе задачу. В романе, который я только что закончил и на днях сдам своему издателю Игорю Захарову, нет того мармеладного гладкого стиля, который понравился читателям и критикам. Роман написан от первого лица — слуги, дворецкого — казенным, суконым языком. Писать «плохим стилем» гораздо труднее, чувствуешь себя кем-то вроде клоуна, прикидывающегося, что он не умеет идти по канату... Когда я выдумываю очередную книжку, мне любопытно, потому что я знаю — она будет не совсем похожа или даже совсем непохожа на предыдущие. «Азazel» я написал очень легко: он простой, как лаяншенка. «Турецкий гамбит» — это шпионский роман о Русско-турецкой войне. Я хотел так написать про войну, чтобы было интересно читать девочкам, — задача, очень трудно выполнимая. Последний роман — «Статский советник» вышел не больно-то веселым. Это детектив политический — о террористах, бомбистах, о том, как они борются с Охранкой, а она — с ними. О провокаторах, о крови, о предательстве. Тема не вполне для Бориса Акунина, тяжелая тема, вокруг нее особенно не повальсируешь.

(Окончание на стр. 10)